

Тень

Андерсен Г.Х.

Вот уж где жжёт солнце — так это в жарких странах! Люди загорают там до того, что становятся краснокожими, а в самых жарких странах — чёрными, как негры. Но мы поговорим пока только о жарких странах; сюда приехал из холодных стран один учёный. Он было думал и тут бегать по городу, как у себя на родине, да скоро отучился от этого и, как все благоразумные люди, стал сидеть весь день дома с плотно закрытыми ставнями и дверями. Можно было подумать, что весь дом спит или что никого нет дома. Узкая улица, застроенная высокими домами, жарилась на солнце с утра до вечера; просто сил никаких не было терпеть эту жару! Учёному, приехавшему из холодных стран, — он был человек умный и молодой ещё, — казалось, будто он сидит в раскалённой печке. Жара сильно влияла на его здоровье; он исхудал, и даже тень его как-то вся съёжилась, стала куда меньше, чем была в холодных странах; жара повлияла на неё. Оба они — и учёный и тень — оживали только с наступлением вечера.

И, право, любо было посмотреть на них! Как только в комнату вносили свечи, тень растягивалась во всю стену, захватывала даже часть потолка — ей ведь надо было потянуться хорошенько, чтобы расправить члены и вновь набрать сил. Учёный выходил на балкон и тоже потягивался, чтобы поразмяться, любовался ясным вечерним небом, в котором зажигались золотые звёздочки, и чувствовал, что вновь возрождается к жизни. На всех других балконах — а в жарких странах перед каждым окном балкон — тоже виднелись люди; дышать воздухом всё же необходимо — даже тем, кого солнце сделало краснокожим. Оживление царило и внизу, на тротуарах улицы, и вверху, на балконах. Башмачники, портные и другой рабочий люд — все высыпали на улицу, выносили туда столы и стулья и зажигали свечи. Жизнь закипала всюду; улицы освещались тысячами огней, люди — кто пел, кто разговаривал с соседом, по тротуарам двигалась масса гуляющих, по мостовой катились экипажи, тут пробирались, позванивая колокольчиками, вьючные ослы, там тянулась, с пением псалмов, похоронная процессия, слышался треск хлопушек, бросаемых о мостовую уличными мальчишками, раздавался звон колоколов... Да, жизнь так и была ключом повсюду! Тихо было лишь в одном доме, стоявшем как раз напротив того, где жил учёный. Дом не был, однако, нежилым: на балконе красовались чудесные цветы; без

поливки они не могли бы цвести так пышно, кто-нибудь да поливал их — стало быть, в доме кто-то жил. Выходившая на балкон дверь тоже отворялась по вечерам, но в самих комнатах было всегда темно, по крайней мере в первой. Из задних же комнат слышалась музыка. Учёный находил её дивно-прекрасною, но ведь может статься, что ему это только так казалось: по его мнению, здесь, в жарких странах, всё было прекрасно; одна беда — солнце! Хозяин дома, где жил учёный, сказал, что и он не знает, кто живёт в соседнем доме: там никогда не показывалось ни единой живой души; что же до музыки, то он находил её страшно скучною.

— Словно кто сидит и долбит всё одну и ту же пьесу. Дело не идёт на лад; а он продолжает, дескать, — «добьюсь своего!» Напрасно, однако, старается, ничего не выходит!

Раз ночью учёный проснулся; дверь на балкон стояла отворённою, и ветер распахнул портьеры; учёный взглянул на противоположный дом, и ему показалось, что балкон озарён каким-то диковинным сиянием; цветы горели чудными разноцветными огнями, а между цветами стояла стройная, прелестная девушка, тоже, казалось, окружённая сиянием. Весь этот блеск и свет так и резнул широко раскрытые со сна глаза учёного. Он вскочил и тихонько подошёл к двери, но девушка уже исчезла, блеск и свет — тоже. Цветы больше не горели огнями, а стояли себе преспокойно, как всегда. Дверь из передней комнаты на балкон была полуотворена, и из глубины дома неслись нежные, чарующие звуки музыки, которые хоть кого могли унести в царство сладких грёз и мечтаний!..

Всё это было похоже на какое-то колдовство! Кто же там жил? Где, собственно, был вход в дом? Весь нижний этаж был занят магазинами — не через них же постоянно ходили жильцы!

Однажды вечером учёный сидел на своём балконе; в комнате позади него горела свечка, и вполне естественно, что тень его расположилась на стене противоположного дома; она даже поместилась на самом балконе, как раз между цветами; стоило шевельнуться учёному — шевелилась и тень,- это она умеет.

— Право, моя тень — единственное видимое существо в том доме! — сказал учёный. — Ишь, как славно уселась между цветами! А дверь-то ведь полуотворена; вот бы тени догадаться войти туда, высмотреть всё, потом вернуться и рассказать обо всём мне! Да, следовало бы и тебе быть

полезною! — сказал он шутя и затем добавил: — Ну-с, не угодно ли пойти туда? Ну? Идешь? — И он кивнул своей тени головой, тень тоже ответила кивком. — Ну и ступай! Только смотри не пропади там!

С этими словами учёный встал, тень его, сидевшая на противоположном балконе, тоже; учёный повернулся — повернулась и тень, и если бы кто-нибудь внимательно наблюдал за ними в это время, то увидел бы, как тень скользнула в полуотворённую балконную дверь загадочного дома, когда учёный ушёл с балкона в комнату и задвинул за собою портьеру.

Утром учёный пошёл в кондитерскую напиться кофе и почитать газеты.

— Что это значит? — сказал он, выйдя на солнце. — У меня нет тени! Так она в самом деле ушла вчера вечером и не вернулась? Довольно-таки неприятная история!

И он рассердился, не столько потому, что тень ушла, сколько потому, что вспомнил известную историю о человеке без тени, которую знали все и каждый на его родине, в холодных странах: вернись он теперь туда и расскажи свою историю, все сказали бы, что он пустился подражать другим, а он вовсе в этом не нуждался. Поэтому он решил даже не заикаться о происшествии с тенью и умно сделал.

Вечером он опять вышел на балкон и поставил свечку позади себя, зная, что тень всегда старается загородиться от света своим господином; выманить этим маневром тень ему, однако, не удалось. Он и сидел и выпрямлялся во весь рост — тень всё не являлась. Он задумчиво хмыкнул, но и это не помогло.

Досадно было, но, к счастью, в жарких странах всё растёт и созревает необыкновенно быстро, и вот через неделю учёный, выйдя на солнце, заметил к своему величайшему удовольствию, что от ног его начала расти новая тень, — должно быть, корни-то старой остались. Через три недели у него была уже довольно сносная тень, которая во время обратного путешествия учёного на родину подросла ещё и под конец стала уже такую большою и длинною, что хоть убавляй.

Учёный вернулся домой и стал писать книги, в которых говорилось об истине, добре и красоте. Так шли дни и годы, прошло много лет.

Раз вечером, когда он сидел у себя дома,, послышался тихий стук в дверь.

— Войдите! — сказал он, но никто не входил; тогда он отворил дверь сам — перед ним стоял невероятно худощавый человек; одет он был, впрочем, очень элегантно, как знатный господин.

— С кем имею честь говорить? — спросил учёный.

— Я так и думал, — сказал элегантный господин, — что вы не узнаете меня! Я обрёл телесность, обзавёлся плотью и платьем! Вы, конечно, и не предполагали встретить меня когда-нибудь таким благоденствующим. Но неужели вы всё ещё не узнаете свою бывшую тень? Да, вы, пожалуй, думали, что я уже не вернусь больше? Мне очень повезло с тех пор, как я расстался с вами. Я во всех отношениях завоевал себе прочное положение в свете и могу откупиться от службы, когда пожелаю!

При этих словах он забренчал целою связкой дорогих брелоков, висевших на цепочке для часов, а потом начал играть толстою золотою цепью, которую носил на шее. Пальцы его так и блестели бриллиантовыми перстнями! И золото и камни были настоящие, а не поддельные!

— Я просто в себя не могу прийти от удивления! — сказал учёный. — Что это такое?

— Да, явление не совсем обыкновенное, это правда! — сказала тень. — Но вы ведь сами не принадлежите к числу обыкновенных людей, а я, как вы знаете, с детства ходил по вашим стопам. Как только вы нашли, что я достаточно созрел для того, чтобы зажить самостоятельно, я и пошёл своею дорогой, добился, как видите, полного благосостояния, да вот взгрустнулось что-то по вас, захотелось повидаться с вами, пока вы ещё не умерли — вы ведь должны же умереть! — и кстати взглянуть ещё разок на эти края. Всегда ведь сохраняешь любовь к своей родине!.. Я знаю, что у вас теперь новая тень; скажите, не должен ли я что-нибудь ей или вам? Только скажите слово — и я заплачу.

— Нет, так это в самом деле ты?! — вскричал учёный. — Вот диво, так диво! Никогда бы я не поверил, что моя старая тень вернётся ко мне, да ещё человеком!

— Скажите же мне, не должен ли я вам? — спросила опять тень. — Мне не хотелось бы быть у кого-нибудь в долгу!

— Что за разговоры! — сказал учёный. — Какой там долг! Ты вполне свободен! Я несказанно рад твоему счастью! Садись же, старый дружище, и расскажи мне, как всё это вышло и что ты увидел в том доме напротив?

— Сейчас расскажу! — сказала тень и уселась. — Но с условием, что вы дадите мне слово не говорить никому здесь, в городе, — где бы вы меня ни встретили, — что я был когда-то вашей тенью! Я собираюсь жениться! Я в состоянии содержать и не одну семью!

— Будь спокоен! — сказал учёный. — Никто не будет знать, кто ты, собственно, такой! Вот моя рука! Даю тебе слово! А слово ведь человек...

— Слово — тень! — закончила тень — иначе ведь она не могла выразиться.

Вообще же учёному оставалось только удивляться, как много было в ней человеческого, начиная с самого платья: чёрная пара из тонкого сукна, на ногах лакированные сапоги, а в руках цилиндр, который мог складываться, так что от него оставались только донышко да поля; о брелоках, золотой цепочке и бриллиантовых перстнях мы уже говорили. Да, тень была одета превосходно, и это-то, собственно, и придавало ей вид настоящего человека.

— Теперь я расскажу! — сказала тень и придавила ногами в лакированных сапогах рукав новой тени учёного, которая, как собачка, лежала у его ног.

Зачем она это сделала, из высокомерия ли, или, может быть, в надежде приклеить её к своим ногам — неизвестно. Тень же, лежавшая на полу, даже не шевельнулась, вся превратившись в слух: ей очень хотелось знать, как это можно добиться свободы и сделаться самой себе госпожой.

— Знаете, кто жил в том доме? — спросила бывшая тень. — Нечто прекраснейшее в мире — сама Поэзия! Я провёл там три недели, а это всё равно, что прожить на свете три тысячи лет и прочесть всё, что сочинено и написано поэтами, — уверяю вас! Я видел всё и знаю всё — и это суцая правда!

— Поэзия! — вскричал учёный. — Да, да! Она часто живёт отшельницей в больших городах! Поэзия! Я видел её только мельком, да и то я был ещё сонным! Она стояла на балконе и сверкала, как северное сияние!

Рассказывай же, рассказывай! Ты был на балконе, вошёл в дверь и...?

— И попал в переднюю! — подхватила тень. — Вы ведь всегда сидели и смотрели на переднюю. Она не была освещена, и в ней стоял какой-то полумрак, но в отворённую дверь виднелась целая анфилада освещённых покоев. Меня бы этот свет уничтожил вконец, если бы я сейчас же вошёл к деде, но я был благоразумен и выждал время. Так и следует поступать всегда!

— И что же ты там увидел? — спросил учёный.

— Всё, и я расскажу вам обо всём, но... Видите ли, я не из гордости, а... ввиду той свободы и знаний, которыми я располагаю, не говоря уже о моём положении в свете... я очень бы желал, чтобы вы обращались ко мне на вы.

— Ах, прошу извинить меня! — сказал учёный. — Это я по старой привычке!.. Вы совершенно правы! И я постараюсь помнить это! Но расскажите же мне, что вы там видели?!

— Всё! — отвечала тень. — Я видел всё и знаю всё!

— Что же напоминали эти внутренние покои? — спросил учёный. — Свежий ли зелёный лес? Или святой храм? Или взору вашему открылось звёздное небо, видимое лишь с нагорных высот?

— Всё там было! — сказала тень. — Я, однако, не входил в самые покои, я оставался в передней, в полумраке, но там мне было отлично, я видел всё, и я знаю всё! Я ведь провёл столько времени в передней при дворе Поэзии.

— Но что же вы видели там? Величавые шествия древних богов? Борьбу героев седой старины? Игры милых детей, лепечущих о своих чудных грёзах?..

— Говорю же вам, я был там, следовательно, и видел всё, что только можно было видеть! Явись вы туда, вы бы не сделали человеком, а я сделался им! Я познал там мою собственную натуру, моё природное сродство с поэзией. Да, в те времена, когда я был при вас, я ещё и не думал ни о чём таком. Но припомните только, как я всегда удивительно вырастал на восходе и при закате солнца! При лунном же свете я был чуть ли не заметнее вас самих! Но тогда ещё я не понимал своей природы, меня озарило только в передней! Там я стал человеком, вполне созрел. Но вас уже не было в жарких странах;

между тем, я, в качестве человека, стеснялся уже показываться в своём прежнем виде: мне нужны были сапоги, приличное платье, словом, я нуждался во всём этом внешнем человеческом лоске, по которому признают вас человеком. И вот я нашёл себе убежище... Да, вам я признаюсь в этом, вы ведь не напечатаете этого: я нашёл себе убежище под юбкой торговли сластями! Женщина и не подозревала, что она скрывала! Выходил я только по вечерам, бегал при лунном свете по улицам, растягивался во всю длину на стенах — это так приятно щекочет спину! Взбегал вверх по стенам, сбегал вниз, заглядывал в окна самых верхних этажей, заглядывал и в залы, и на чердаки, заглядывал и туда, куда никто не мог заглядывать, видел то, чего никто не должен был видеть! И я узнал, как, в сущности, низок свет! Право, я не хотел бы даже быть человеком, если бы только не было раз навсегда принято считать это чем-то особенным! Я подметил самые невероятные вещи у женщин, у мужчин, у родителей, даже у милых, бесподобных деток. Я видел то, — добавила тень, — чего никто не должен был, но что всем так хотелось увидеть — тайные пороки и грехи людские. Пиши я в газетах, меня бы читали! Но я писал прямо самым заинтересованным лицам и нагонял на всех и повсюду, где ни появлялся, такой страх! Все так боялись меня и так любили! Профессора признавали меня своим коллегой, портные одевали меня — платья у меня теперь вдоволь, — монетки чеканили для меня монету, а женщины восхищались моей красотой! И вот я стал тем, что я есть. А теперь я прощусь с вами; вот моя карточка. Живу я на солнечной стороне и в дождливую погоду всегда дома!

С этими словами тень ушла.

— Как это всё же странно! — сказал учёный.

Шли дни и годы; вдруг тень опять явилась к учёному.

— Ну, как дела? — спросила она.

— Увы! — отвечал учёный. — Я пишу об истине, добре и красоте, а никому до этого нет и дела. Я просто в отчаянии; меня это так огорчает!

— А вот меня нет! — сказала тень. — Поэтому я всё толстею, а это самое главное! Да, не умеете вы жить на свете! Ещё заболете, пожалуй. Вам надо попутешествовать немножко. Я как раз собираюсь летом сделать небольшую поездку — хотите ехать со мной? Мне нужно общество в дороге,

так не поедете ли вы... в качестве моей тени? Право, ваше общество доставило бы мне большое удовольствие; все издержки я, конечно, возьму на себя!

— Нет, это слишком! — рассердился учёный.

— Да ведь как взглянуть на дело! — сказала тень. — Поездка принесла бы вам большую пользу! А стоит вам согласиться быть моею тенью, — и вы поедете на всём готовом!

— Это уж из рук вон! — вскричал учёный.

— Таков свет, — сказала тень. — Таким он и останется!

И тень ушла. Учёный чувствовал себя плохо, а горе и заботы по-прежнему преследовали его: он писал об истине, добре и красоте, а люди понимали во всём этом столько же, сколько коровы в розах. Наконец он совсем расхворался.

— Вы неузнаваемы, вы стали просто тенью! — говорили учёному люди, и по его телу пробегала дрожь от мысли, приходившей ему в голову при этих словах.

— Вам следует ехать куда-нибудь на воды! — сказала тень, которая опять завернула к нему. — Ничего другого вам не остаётся! Я готов взять вас с собою ради старого знакомства. Я беру на себя все издержки по путешествию, а вы опишете нашу поездку и будете приятно развлекать меня в дороге. Я собираюсь на воды; моя борода не растёт, как бы следовало, а это ведь своего рода болезнь, — бороду надо иметь! Ну, будьте благоразумны, принимайте моё предложение; ведь мы же поедем как товарищи.

И они поехали. Тень стала господином, а господин тенью. Они были неразлучны: и ехали, и беседовали, и ходили всегда вместе — то бок о бок, то тень впереди учёного, то позади, смотря по положению солнца. Но тень отлично умела держаться господином, а учёный, по доброте сердца, даже и не замечал этого. Он был вообще такой славный, сердечный человек, и раз как-то возьми да и скажи тени:

— Мы ведь теперь товарищи, да и выросли вместе — выпьем же на ты, это будет по-приятельски!

— В ваших словах действительно много искреннего доброжелательства! — сказала тень — господином-то теперь была, собственно, она. — И я тоже хочу быть с вами откровенным. Вы, как человек учёный, знаете, вероятно, какими странностями отличается натура человеческая! Некоторым, например, неприятно дотрагиваться до серой бумаги, другие вздрагивают всем телом, если при них провести гвоздём по стеклу. Вот такое же чувство овладевает и мною, когда вы говорите мне ты. Я чувствую себя совсем подавленным, как бы низведённым до прежнего моего положения. Вы видите, что это просто болезненное чувство, а не гордость с моей стороны. Я не могу позволить вам говорить мне ты, но сам охотно буду говорить вам ты; таким образом, ваше желание будет исполнено хоть наполовину.

И вот тень стала говорить своему прежнему господину ты.

«Это, однако, из рук вон, — подумал учёный. — Я должен обращаться к нему на вы, а он мне тыкает». Но делать было нечего.

Наконец они прибыли на воды. На водах был большой съезд иностранцев. В числе приезжих находилась и одна красавица принцесса, которая страдала чересчур зорким взглядом, а это ведь не шутка, хоть кого испугает.

Она сразу заметила, что вновь прибывший иностранец совсем не похож на всех других людей.

— Хоть и говорят, что он приехал сюда ради того, чтобы отрастить себе бороду, но меня-то не проведёшь: я вижу, что он просто-напросто не может отбрасывать тени!

Любопытство её было подзадорено, и она, не долго думая, подошла к незнакомцу на прогулке и вступила с ним в разговор. В качестве принцессы она, без дальнейших церемоний, сказала ему:

— Ваша болезнь заключается в том, что вы не можете отбрасывать от себя тени!

— А ваше королевское высочество, должно быть, уже близки к выздоровлению! — сказала тень. — Я знаю, что вы страдали слишком зорким взглядом, — теперь, как видно, вы исцелились от своего недуга! У меня как

раз весьма необыкновенная тень. Или вы не заметили особу, которая постоянно следует за мной? У всех других людей — обыкновенные тени, но я вообще враг всего обыкновенного, и как другие одевают своих слуг в ливреи из более тонкого сукна, чем носят сами, так я нарядил свою тень настоящим человеком и даже приставил, как видите, и к ней тень! Всё это обходится мне, конечно, недёшево, но уж я в таких случаях за расходами не стою!

«Вот как! — подумала принцесса. — Так я в самом деле выздоровела? Да, эти воды — лучшие в мире! Надо признаться, что воды обладают в наше время поистине удивительной силой. Но я пока не уеду, — теперь здесь будет ещё интереснее. Мне ужасно нравится этот иностранец. Только бы борода его не выросла, а то он уедет!»

Вечером был бал, и принцесса танцевала с тенью. Принцесса танцевала легко, но тень ещё легче; такого танцора принцесса и не встречала. Она сказала ему, из какой страны прибыла, и оказалось, что он знал ту страну и даже был там, но принцесса как раз в то время уезжала. Он заглядывал в окна повсюду, видел кое-что и потому мог отвечать принцессе на все вопросы и даже делать такие намёки, от которых она пришла в полное изумление и стала считать его умнейшим человеком на свете. Знания его просто поражали её, и она прониклась к нему глубочайшим уважением. Протанцевав с ним ещё раз, она окончательно влюбилась в него, и тень это отлично заметила: принцесса так и пронизывала своего кавалера взглядами. Протанцевав же с тенью ещё раз, принцесса готова была признаться ей в своей любви, но рассудок всё-таки одержал верх, она подумала о своей стране, государстве и народе, которым ей приходилось управлять. «Умён-то он умён, — сказала она самой себе, — и это прекрасно; танцует он восхитительно, и это тоже хорошо, но обладает ли он основательными познаниями, что тоже очень важно! Надо его проэкзаменовать».

И она опять завела с ним разговор и задавала ему труднейших вопросов, на которые и сама не смогла бы ответить.

Тень скорчила удивлённую мину.

— Так вы не можете ответить мне! — сказала принцесса.

— Всё это я изучил ещё в детстве! — отвечала тень. — Я думаю, даже тень моя, что стоит у дверей, сумеет ответить вам.

— Ваша тень?! — удивилась принцесса. — Это было бы просто поразительно!

— Я, видите ли, не утверждаю, — сказала тень, — но думаю, что она может, — она ведь столько лет неразлучна со мной и кое-чего наслушалась от меня! Но, ваше королевское высочество, позвольте мне обратить ваше внимание на одно обстоятельство. Тень моя очень гордится тем, что слывёт человеком, и если вы не желаете привести её в дурное расположение духа, вам следует обращаться с нею как с человеком! Иначе она, пожалуй, не будет в состоянии отвечать как следует!

— Что ж, это мне нравится! — ответила принцесса и, подойдя к учёному, стоявшему у дверей, заговорила с ним о солнце, о луне, о внешних и внутренних сторонах и свойствах человеческой природы.

Учёный отвечал на все её вопросы хорошо и умно.

«Что это должен быть за человек, — подумала принцесса, — если даже тень его так умна! Для моего народа и государства будет сущим благодеянием, если я выберу его себе в супруги. Да, я так и сделаю!»

И скоро они порешили между собою этот вопрос. Никто, однако, не должен был знать ничего, пока принцесса не вернётся домой, в своё государство.

— Никто, никто, даже моя собственная тень! — настаивала тень, имевшая на то свои причины.

Наконец они прибыли в страну, которую управляла принцесса, когда бывала дома.

— Послушай, дружище! — сказала тут тень учёному. — Теперь я достиг высшего счастья и могущества человеческого и хочу сделать кое-что и для тебя! Ты останешься при мне, будешь жить в моём дворце, разъезжать со мною в королевской карете и получать сто тысяч риксдалеров в год. Но за то ты должен позволить называть тебя тенью всем и каждому. Ты не должен и заикаться, что был когда-нибудь человеком! А раз в год, в солнечный день, когда я буду восседать на балконе перед всем народом, ты должен будешь лежать у моих ног, как и подобает тени. Надо тебе сказать, что я женюсь на принцессе; свадьба — сегодня вечером.

— Нет, это уж из рук вон! — вскричал учёный. — Не хочу я этого и не сделаю! Это значило бы обманывать всю страну и принцессу! Я скажу всё!

Скажу, что я человек, а ты только переодетая тень — всё, всё скажу!

— Никто не поверит тебе! — сказала тень. — Ну, будь же благоразумен, не то я кликну стражу!

— Я пойду прямо к принцессе! — сказал учёный.

— Ну, я-то попаду к ней прежде тебя! — сказала тень. — А ты отправишься под арест.

Так и вышло: стража повиновалась тому, за кого, кого, как все знали, выходила замуж принцесса.

— Ты дрожишь! — сказала принцесса, когда тень вошла к ней. — Что-нибудь случилось? Не захворай, смотри! Ведь сегодня вечером наша свадьба!

— Ах, я пережил сейчас ужаснейшую минуту! — сказала тень. — Подумай... Да много ли, в сущности, нужно мозгам какой-нибудь несчастной тени!.. Подумай моя тень сошла с ума, вообразила себя человеком, а меня называет — подумай только — своею тенью!

— Какой ужас! — сказала принцесса. — Надеюсь, её заперли?

— Разумеется, но я боюсь, что она никогда не придёт в себя!

— Бедная тень! — вздохнула принцесса. — Она очень несчастна.! Было бы сущим благодеянием избавить её от той частицы жизни, которая ещё есть в ней. А как подумать хорошенько, то, по-моему, даже необходимо покончит с ней поскорее и без шума!

— Всё-таки это жестоко! — сказала тень. — Она была мне верным слугой! — И тень притворно вздохнула.

— У тебя благородная душа! — сказала принцесса.

Вечером весь город был иллюминирован, гремели пушечные выстрелы, солдаты отдавали честь ружьями. Вот была свадьба! И принцесса с тенью вышли на балкон показаться народу, который ещё раз прокричал им «ура».

Учёный не слышал этого ликования — с ним уже покончили.